Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Ночная прогулка

Вот и половина одиннадцатого, ночь закутала окна черной ватой, за тонкой стенкой гудит очередное talk-show, а я, развалившись в мягком кресле, читаю сказки, попивая горячий сладкий чай. Позади рабочий день, впереди рабочая неделя, — выходные, как радуга — как близко не подойдешь — а они все не приближаются. Все достали. Достали коллеги своими неистребимыми улыбками, достали клиенты — своими бесконечными вопросами, достала начальница своими зачастую не вполне обоснованными претензиями. Это совсем не та начальница, с которой я мечтал бы переспать. Безумная старуха, прячущая за язвительным остроумием и требовательностью свое неумение организовать рабочий процесс.

Я устал и мне надоели эти тонкие стены. Гвалт соседей — как удары Мухаммеда Али по моим барабанным перепонкам. И, разумеется, к этой усталости и неудовлетворенности собой приписывается моя вечная сексуальная неудовлетворенность. И я выключаю светильник. Только так я могу покинуть комнату незамеченным. Стенки ведь такие тонкие, — что мне в таких случаях на руку.

Провожу рукой по паттерну лилий на обоях. Они выцвели и давно не похожи на цветы. Это тоже облегчает мне задачу. Как щетина под действием пены для бритья, — стенка становится мягче от прикосновений моих рук. И вот она уже не толще презерватива, мои пальцы проходят сквозь нее, как комариные укусы сквозь кожу — на мое тело натягивается тонкая пленка с едва заметными выгоревшими лилиями, и мне не составляет никакого труда пройти вперед через эту мембрану.

Шум телевизора становится все громче. Сосед спит, сбросив одеяло на пол. Там же груда пустых бутылок из-под пива и коробок от вафельных тортов. В комнате, заставленной старой советской мебелью прыгают зайчики отсветов от телевизионного экрана, в которых молодые красивые женщины обсуждают психологию трудных подростков. Я укрываю его одеялом, выключаю телевизор и открыв настежь окно выбрасываю пустые бутылки. Они лопаются на асфальте, как пузырьки упаковочного материала. Успокаивает нервы. Миную кухню, проходя насквозь холодильник, в котором, как говорится «мышь повесилась». Дальше стенка потолще, — видимо, несущая.

Я слегка надрезаю ее перочинным ножиком в том месте, где отсыревшие обои отходят от пола. И поднимаю, как кошачью дверцу, — кверху. Здесь живет семья эмигрантов из Китая. Прохода почти нет — до потолка возвышаются какие-то коробки. Как среди лабиринта ходят между колоннами печальные обитатели этого жилища. Повсюду множество маленьких фарфоровых статуэток с изображением не по годам взрослых младенцев — что-то наподобие нецке. Муж с женой ужинают, дети играют в большой комнате по-соседству. Эти люди знают свое будущее — вплоть до того, что могут сказать тебе, где они будут и чем займутся в три часа дня этого же числа, но в следующем году. Это они сейчас и обсуждают, — и от таких разговоров становится тоскливо. Такая же тоскливая и пустая их сексуальная жизнь — я все видел.

Один раз, когда они оба спали, — а спят они в разных комнатах, — я срезал с жены трусики и, прижав к постели всем своим весом, полюбил ее лоно. Она тогда едва проснулась, но зато потом на протяжении недели их взаимоотношения с мужем были заметно более оживленными. Ведь она все это подумала на него, а паренек и в ус не дул, — даже не спорил с

тем, что приходил к ней ночью, превратил в лоскутную лапшу ее белье и сделал то, что давно должен был сделать. Уже два года как. И размазал сперму по дверным ручкам. Потом все постепенно съехало в прежнюю накатанную колею. А я не ангел-хранитель очага и не Гестия, чтобы без особой внутренней потребности радовать чужих жен.

В следующую квартиру я вхожу, пробравшись в туалет через вентиляционную решетку. Здесь проживают две студентки, которые ночи напролет проводят, колеся по ночным клубам в компании богатеньких приятелей-толстосумов. Как обычно — дома никого нет и я могу немножко расслабиться. Предварительно хорошо помыв бокал под струей горячей воды, я наливаю себе мартини и медленно выпиваю его, любуясь видом из окна. Здесь всегда найдется, что выпить и чем закусить. Хорошо, когда у твоих соседок богатые бойфренды. Комнаты опрятные, чистенькие с белыми стенами и кактусами всех мастей. Молоденькая кошка ластится к моим ногам, — ну, конечно, я тебя покормлю.

Потом я скребу по сусекам, собирая все стодолларовые банкноты и, сложив самолетиками, запускаю из окна. Батарея обуви в коридоре тоже никогда не дает мне покоя. Обернув член в чулок и окунаясь носом в новенькую дурно пахнущую туфельку, — сегодня она черненькая с тонким ремешком и острым носком, я минут пять предаюсь греху под вешалкой в коридоре. Кошка смотрит на меня с флегматичным интересом. Потом прыгает и царапает мне до крови лицо. Несколько капелек падают на пол, я беру кошку, — а она белая, — и с удовольствием вытираю пятна ее сопротивляющейся тушкой. Летят клочки шерсти, кошка, изо всех сил навострив все свои мышцы, вырывается и убегает под кровать. А я иду дальше.

Тут пройти сложнее всего, потому что стены очень толстые — приходится перелетать через балкон. Я останавливаюсь на покурить, потом снимаю рубашку и выбрасываю ее в окно. Ее уносит как раз на осколки соседских пивных бутылок. Мышцы вздувшиеся и твердые, после инцидента с кошкой и сексуального возбуждения от туфелек. Не без труда расправляю крылья, оставляя несколько перьев прилипшими к балконному окну. Перелет короткий и на такое меня хватает. Большее расстояние я бы не осилил наверно, так как сгораю от вожделения.

В комнате преподавательницы техучилища пахнет неубранной с нового года елкой. Я просачиваюсь в щель между дверными петлями. Скоро с ночного дежурства должен вернуться ее муж и они, собрав чемоданы, сядут на такси и отправятся в аэропорт. А оттуда в Тайланд. Такой яркий свет ослепляет меня, и я несколько минут просто сижу в шкафу, чтобы как-то прийти в себя. Мне нравится наблюдать за этой привлекательной сорокалетней училкой. Играет музыка Наутилуса, женщина, подпевая Бутусову, примеряет на себя платья, чтобы решить, — что она возьмет с собой в дорогу.

Мне нечем им помочь. Пара живет в ладу и согласии. Такое согласие, как у них, — невероятная редкость. И такой безумный секс — тоже. Возможно, какой-то негатив и скрывается под спудом, но я пока не смог определить этого. Выждав момент, когда она выйдет из комнаты, — я покидаю небезопасный шкаф и прячусь под кроватью. Отсюда самый лучший обзор. Снимаю с себя всю одежду и замираю в ожидании. Нет — я не пропустил спектакль, — и как меня радует, что такая образованная дама является женщиной еще и в том смысле, что любит покрасоваться перед зеркалом.

Вот она расстегивает молнию черного вечернего платья. Оно падает на пол, — соседка явно недовольна и не собирается брать его в поездку. Ее пышная грудь в голубом с клубничками бюстгалтере, попка, обтянутая такой же расцветки трусиками, босые ножки в нейлоновых

следках, — все это заставляет мою руку двигаться быстрее и быстрее. Пресс мой напряжен, когда она трогает небольшой красный прыщик на попе, потом достает из шкафчика лосьон и протирает воспаленное место. Из колонок доносится ритмичная рок-музыка Наутилуса, хозяйка квартиры хмурит брови, пытаясь получше разглядеть прыщичек. Это же такая катастрофа. Смотри подольше, бейби, а я наслажусь изгибами твоих обнаженных бедер, глубиной пупка, ароматом елки и похожими на два шарика мороженого сиськами, едва влезающими в лифчик.

Потом она подбирает с пола черное бархатное платье, которое только что так небрежно сняла. Достает из шкафчика другое — нежно-розового цвета с юбкой до пола и глубоким декольте. Мне нравится, как она двигает своей попкой, когда пытается втиснуться в довольно тесное для нее платьице. Я сжимаю свои яички и мой пенис достиг максимального размера и степени твердости. Так она примеряет подряд три совершенно разных платья, потом доходит дело до бюстгалтеров. Как только расстегиваются зубчики, высвобождая хорошие висячие груди с большими острыми сосками на концах, я начинаю необратимо течь. Кончаю я в колготки, которые прихватил с собой на предыдущей квартире. Пять минут мое тело лежит обездвиженно и я пустым взглядом продолжаю смотреть за ее сборами, но вот желание вновь охватывает меня, и я впитываю все новые и новые ее ракурсы, царапая ногтями правой руки пол, чтобы не застонать.

Третий бюстгалтер ей действительно очень идет. Он бирюзовый и хорошо сочетается с ее рыжими волосами. Большая грудь уложена в чашечки так аккуратно, легко, — чувствуется, что ей ничего не давит, но в то же время пуш-ап еще тот. Но ее явно ничего не устраивает. По лицу видно, — пора покупать новые шмотки.

Вот звонит телефон, и она присаживается на пуф, растянув вперед свои сахарные ножки.

— Навели бардак в доме? Обокрали? Какой ужас... — говорит она... — Нет, я если бы видела, то тут же вам позвонила бы. — Не первый же раз такое. Почему вы, Даша, до сих пор не обратились в полицию?

— Мда, — произносит она, бросая мобильный телефон на кровать. Потом улыбается и счастливая падает на нее сама. Я слышу, как хрустят под ней мои крылья.

— Наконец-то мы едем! — мечтательно произносит она, обнимая одеяло, перекатываясь на большой кровати.

Потом встает и ее красивые стопы теперь совсем рядом с моим лицом. Переборов желание дотронуться, я снова кончаю в липкие бежевые колготки. Вскоре возвращается ее муж и сразу же обнимает ее, войдя в комнату. При этом у него из рук выпадает конверт.

Он наклоняется и видит обконченного крылатого парня. Симпатичного, но совсем неуместного с клубком бежевых колготок и осыпавшихся перьев под его кроватью. Совсем неуместного. Во избежание продолжения немой сцены, я делаюсь текучим, как рентгеновское излучение, и падаю точь в точь на задницу толстой соседки снизу. Динара знает о моих похождениях и мне каждый раз приходится платить ей выматывающим из меня все силы трахом за молчание. Но мне нравится эта задница, потому я никогда ей не отказываю. Кто бы ей поверил?

Только под утро я возвращаюсь домой. Как правило по вентиляционной шахте мимо тараканов и прочей нечисти. Снова невыспавшийся и снова злой на весь мир.